

УДК 81'37: 811.111

Ш. Ф. Биккулов**Некоторые аспекты комбинаторной семантики глагольных коллокаций в английском языке**

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия лексических значений в глагольных коллокациях английского языка на примере сочетаний объектных глаголов с возвратным местоимением. В зависимости от принадлежности к конкретным лексико-семантическим группам глаголы ведут себя по-разному.

Ключевые слова: комбинаторная семантика, референтный уровень, глагольные коллокации, возвратное местоимение, семиологический подход, взаимодействие лексических значений, семный уровень, семантические роли.

Несмотря на все новомодные течения в современной лингвистике, изучение различных аспектов языковой семантики остается актуальной и существенной частью лингвистических исследований. Это связано, в частности, с тем, что именно семантике «выпадает задача синтеза знаний о значениях единиц разных уровней, поскольку она должна объяснить, как из значений единиц определенного уровня формируется значение единиц более высокого уровня» [3, с. 18].

В данной работе нас интересует главным образом лексическая семантика и производное от нее значение глагольных коллокаций, т.е. словосочетаний.

В лексическом значении слова традиционно выделяют два аспекта: денотативный и сигнификативный. Денотативный выражает так называемое представление о предмете, т.е. мысль о единичном. Сигнификативный же выражает понятие, т.е. мысль об общем. Слова в языке принято разделять на предметные и признаковые. Предметные реализуют в основном денотативную функцию, а признаковые — сигнификативную. В основе номинаций признаковых имен лежат состояния, признаки предметов и отношения между ними. Сюда относятся и глаголы. Как отмечает А. А. Уфимцева, «глагольное имя... всегда релятивно: оно задается непременно относительно тех или иных предметов, явлений, которые по логике вещей выступают в роли агенса действия, субъекта, находящегося в том или ином состоянии, или относительно предметов и лиц, испытывающих данное отношение, действие на себе» [7, с. 142].

Большинство слов в различных языках являются многозначными, т.е. обладают несколькими ЛСВ (лексико-семантическими вариантами). Каждый ЛСВ — это отдельное самостоятельное значение слова. Как известно, полисемия — это языковая универсалия. В то же время каждый ЛСВ не является чем-то однородным, а представляет собой набор, множество элементарных смысловых единиц, называемых семами. Сема — это такая часть значения, которая не имеет своего собственного показателя в структуре данного словесного знака, а выявляется чисто реляционно из сравнения значений [6, с. 116].

Согласно теории М. В. Никитина, иерархическая структура сем, образующих одно словозначение, состоит из двух частей: интенционала, т.е. понятия в его дедуктивно-логическом аспекте, и импликационала, т.е. вероятностной области того, что может быть названо в связи с данным именем. Интенционал, как ядро лексического значения, распадается на гиперсема и гипосема. В структуре значения гипосема передает видовые признаки, а гиперсема — родовые [6, с. 109—110].

В речевых высказываниях лексические единицы вступают в синтагматические отношения, поскольку слова не могут функционировать изолированно. В этом случае наблю-

© Биккулов Ш. Ф., 2015

дается семное взаимодействие их значений, и при этом на значение какого-либо словесного знака проецируются особенности его синтагматических и парадигматических связей с другими знаками [6, с. 108]. Образуя линейные последовательности, слова выявляют те семантические компоненты, которые поддерживают создание общей оси высказывания. Ср. высказывание Дж. Лайонза: «Во всех языках есть много лексем, значение которых нельзя считать независимым от характерных для них коллокаций. Во всяком случае границу между коллокацией и грамматическим правилом можно установить лишь произвольно» [5, с. 150]. По мнению Н. Г. Комлева, «слово в речевом акте становится фактом интерперсонального действия, и в результате проекции его значения на каждый раз создаваемый мыслительно-коммуникативный фон оно претерпевает ряд семантических изменений» [4, с. 3].

В свое время, говоря о законах сочетания слов, академик Л. В. Щерба писал: «Имею в виду здесь не только правила синтаксиса, но, что гораздо более важно, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы...» [9, с. 28].

Законы взаимодействия значений слов исследовались в трудах Б. Потье, А. Греймаса, В. Г. Гака, М. В. Никитина, Н. А. Шехтмана и др. Так, Н. А. Шехтман отмечал: «Семантическая структура слова А содержит лексико-семантический вариант, имплицитный определенный лексико-семантический вариант слова В, контекстно связанного со словом А. Перечень подобных импликаций показывает избирательную сочетаемость семантических множителей и лексико-семантических вариантов в целом» [8, с. 78].

Итак, трудами многих лингвистов установлено, что значение словосочетаний не всегда равно сумме значений составляющих его компонентов. В одних случаях значение словосочетаний строится по аддитивному закону, т.е. значение целого равно сумме значений его компонентов, например «желтый песок», «жить в селе». В других случаях действуют неаддитивные правила сложения значений: зачеркивание и обогащение. При зачеркивании из толкований составляющих слов (как они даны в словаре) устраняется какая-либо одна или более семантические составляющие. При обогащении, наоборот, к словарным дефинициям добавляются семантические составляющие (семы), одна или более [1, с. 443—444].

В настоящей работе исследуется один из типов глагольных коллокаций английского языка, а именно сочетания переходных глаголов с возвратным местоимением oneself применительно к идеям комбинаторной семантики. При анализе английских рефлексивов часто приходится сталкиваться с идеей неаддитивности значений в свободном словосочетании. Например, смысл рефлексивного сочетания в предложении *He found himself in the garden* существенно отличается от смысла глагольного сочетания с невозвратным дополнением в предложении *He found Peter in the garden*, что ясно свидетельствует о неаддитивности компонентов *found* и *himself* в первом предложении.

Субкатегоризация английских объектных глаголов представляет определенные сложности, поскольку обозначаемые ими аспекты отношений с «предметами» материального и идеального миров с трудом поддаются исчислению. Как пишет А. А. Уфимцева, «семантическая классификация и конкретизация глагольных признаков могут быть доведены до крайней степени детализации — до единичной лексемы, а последняя — до ее отдельного лексико-семантического варианта» [7, с. 172].

В настоящей работе мы берем за основу таксономию объектных глаголов, предложенную А. А. Уфимцевой, с некоторыми изменениями. Это выглядит следующим образом:

1. Категория «Воздействие»:

- а) физическое преобразующее воздействие на объект;
- б) физическое непреобразующее воздействие на объект;

- в) информационное воздействие;
- г) эмоциональное воздействие.
- 2. Категория «Обращение с объектом».
- 3. Категория «Представление объекта».
- 4. Категория «Отношение».
- 5. Категория «Восприятие».

Дальнейшая субкатегоризация объектных глаголов производится на основе семантического признака, т.е. выделяются определенные лексико-семантические группы глаголов. Необходимо заметить, что выделение той или иной ЛСГ связано с некоторыми трудностями, так как основная единица анализа — слово — чаще всего бывает многозначным, а следовательно, оно входит своими разными значениями в несколько ЛСГ. Рассмотрим некоторые из перечисленных категорий.

Рефлексивные коллокации с глаголами физического преобразующего воздействия.

Известно, что для понимания смысловой стороны предложения довольно важны отношения между глаголом и прямым дополнением. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение. Поэтому нисколько не удивительно, что эти действия обозначаются не одним обобщенным глаголом созидания, а разными глаголами... Средневековые логики прямо утверждали, что объект определяет действие» [2, с. 125].

В английском языке среди глаголов преобразующего воздействия выделяется ЛСГ глаголов созидания. Ядро этой группы составляют глаголы *build, create, form, invent, make, manufacture*. Все они имеют в структуре своего значения категориальную сему «каузация существования чего-либо» и образуют синтаксическую структуру, в которую кроме глагола в форме активного залога входят как минимум два актанта — агентив и результатив. Данные актаны являются облигаторными: вместе с глаголом они составляют ядерную синтаксическую структуру. Остальные актаны являются факультативными.

Семантическая структура предложения с актантом-результативом отображает ситуацию реальной действительности, в которой возникает материальный или идеальный предмет, не существовавший до действия созидания. Иначе говоря, конструкция с актантом-результативом заключает в себе презумпцию несуществования референта данного актанта в момент, предшествующий ситуации, описываемой глаголом созидания.

При переходе от активной структуры к рефлексивной происходят изменения на референтном уровне: два референта заменяются одним, и этот один-единственный референт принимает на себя сразу обе роли — агентивную и результативную. Рассмотрим пример с глаголом *create*.

We create ourselves through a torturous activity of the soul but it's necessary that we not know how very difficult it is [22, p. 34].

Данный глагол имеет весьма широкое значение «каузация существования объекта» без прямого указания на дополнительные признаки типа инструмента, средства и т.п. В вышеприведенном примере речь идет не о физическом созидании, ибо референт — живой человек, не способный сам сотворить свою плоть, к тому же не существующий до момента начала созидания. Следовательно, актант-результатив можно интерпретировать лишь как духовную нематериальную сущность, соответствующую чему-то вроде «высокой степени духовности», и глагол *create* выражает не физическое, а психическое воздействие на внутренний мир человека, и, таким образом, вместо семы «физическое действие» в нем индуцируется сема «психическое действие».

Из вышеизложенного вытекает, что в РК не могут быть использованы те глаголы созидания, в семантической структуре которых имеются признаки, указывающие на чисто физический характер созидания.

Теперь рассмотрим группу глаголов деформации. Они имеют ядерное значение «каузация изменения внешней формы физического объекта». Данные предикаты имеют по три валентности: агентивную, объективную и инструментативную. Примеры глаголов этой группы: *contort, flatten, squeeze, twist*.

Рассмотрим глагол *flatten*. Его лексическое значение *make smth flat* выражает механическое воздействие на неодушевленный предмет. Например, *to flatten a piece of metal by hammering it*.

Указание на орудие действия составляет сильный импликационал лексического значения данного глагола. Однако в РК он исчезает: *Against the splintery deadwood of the door Dolly Schiller flattened herself as best as she could to let me pass* [21, p. 18]. Воздействие субъекта на свое тело является не внешним, а исходит как бы изнутри: нельзя, например, сказать *She flattened herself by hammering (by hand)*. Неприемлемым также является предложение *She flattened herself and John*. Все это свидетельствует о том, что в РК у глагола *flatten* возникает новое словозначение в результате зачеркивания семы «инструмент», относящейся к области сильного импликационала. Эта закономерность справедлива и для других глаголов данной группы.

Рассмотрим теперь группу глаголов нанесения ущерба. Сюда относятся *bruise, burn, cut, injure, kill* и ряд других. Данную группу можно разделить на две подгруппы: 1) глаголы нанесения повреждения и 2) глаголы уничтожения. Они отличаются друг от друга результатами действий, обозначаемых глаголами. Глаголы нанесения повреждения (*bruise, cut, hurt, injure*) имеют ядерное значение «каузация утраты неглавных частей объекта, не приводящей его к полной гибели». Они имеют две обязательные валентности — агентивную и пациентивную. В значение некоторых из них входят семантические признаки, указывающие на орудие или средство воздействия.

В РК на референтном уровне в системе референта данная ситуация получает следующее истолкование: одна или несколько подсистем референта-человека приводит в негодность, устраняет какую-либо другую подсистему либо каузирует временное прекращение ее функций. Например, *he scalded himself; she burnt herself*. В общем случае употребляется глагол *hurt*. В случае преднамеренного повреждения самого себя на уровне ролей выделяются две роли — агентив и пациентив. Если же действие носит непреднамеренный характер, то можно выделить лишь пациентив: *He hurt himself = He got hurt* (Он ушибся).

К глаголам второй подгруппы, т.е. глаголам уничтожения, относятся такие глаголы, как *hang, kill, shoot, destroy, murder* и другие. Носителем идентифицирующего значения всей данной подгруппы является глагол *destroy*, означающий «каузировать что-либо существовать». Другие глаголы отличаются от него наличием дифференциальной семы — способ уничтожения. На семантическом уровне выделяются две роли — агентивная и пациентивная. В РК они сохраняются.

В данной подгруппе глаголов на референтном уровне в рамках системы одного референта имеет место уничтожение жизненно важной подсистемы или всей системы в целом со стороны активного элемента данной системы. Это обстоятельство находит отражение и на языковых уровнях. Так, если в активной конструкции *John killed Peter* действие можно продолжить, т.е. распространить на другие объекты — *John killed Peter, then he killed Ann, Mary and Susan*, то в РК *John killed himself* этого сделать уже нельзя. В АК субъект, совершив акт уничтожения объекта, в принципе сохраняет потенцию на повторение этого действия над последующими объектами. Но в РК, где возвратное местоимение маркирует кореферентность субъекта и объекта, субъект неотделим от объекта. Смерть, конец объекта означает одновременно и конец субъекта.

В то же время далеко не каждый глагол уничтожения может быть реализован в рефлексивной коллокации, иногда этому препятствуют особенности глагольной семантики. Возьмем, к примеру, глагол *assassinate*, имеющий значение *kill violently and treacherously, especially for political reasons*. В данном глаголе, помимо основного признака “kill”, выделяются дифференциальные семы образа действия — *violently, treacherously* и причины — *for political reasons*. Данные семы блокируют употребление этого глагола в РК, так как отношения социально-политического характера нельзя спроецировать на систему одного референта — для этого надо иметь как минимум два референта. Действительно, трудно себе представить человека, убивающего себя предательски и из политических убеждений. В то же время глаголы, содержащие в своей семантической структуре семы «средство» или «инструмент», допускают употребление в рефлексивной конструкции. Так, вполне возможно *He shot himself; She strangled herself, etc.*

Глаголы физического непреобразующего действия

Глаголы данной категории распадаются на три ЛСГ: глаголы со значением «помещать», глаголы перемещения в пространстве и глаголы адаптации.

К первой группе относятся глаголы *install, house, land, lay, place, put, plant, etc.* Из них глагол *put* имеет самую широкую семантику и в виде семы входит в значение остальных глаголов. Предикаты этого типа открывают места для трех аргументов, т.е. семантических ролей: агентива, пациентива и локатива. Особенностью глагола *put* является то, что в РК он не может реализовать свое прямое номинативное значение. В РК он реализует лишь свои переносные значения в зависимости от третьего члена структуры. Сравним: *to put oneself in smb's hands; to put oneself inside other men's mind; to put oneself in touch with smb; to put oneself tidy.*

Неотмеченной является структура *He put himself on the floor.* (Он поставил себя на пол.) В то же время остальные глаголы, толкуемые через *put*, вполне могут выражать свое прямое номинативное значение в локативных структурах.

К глаголам группировки (аккумуляции) относятся *assemble, collect, gather* и другие. Эти глаголы являются синонимами в значении *to come or bring together so as to form a group, a mass or a unit.*

Глагол *gather* в рефлексивных конструкциях обычно функционирует с множественным подлежащим. Правда, с формальным маркером его употребление в настоящее время является устаревшим. Об этом свидетельствует тот факт, что подавляющее число примеров подобного рода мы встретили лишь в библейских текстах. Например: *And all the sons of Levi gathered themselves together to him [Exodus, 32:27].*

В значении «собираться» возвратное местоимение обычно опускается, и мы имеем имплицитно-рефлексивную структуру типа *We gathered round the fire.*

Рассмотрим теперь случай, когда субъектом глагола *gather* в РК является единичное лицо. Здесь оказывается невозможным истолковать ситуацию на референтном уровне как процесс собирания субъектом отдельных частей своего тела в единое целое. Поэтому на уровне семемы происходит семантический сдвиг. Отметим следующие случаи. *Gather oneself* может означать: 1) выпрямиться из неудобного положения в нормальное, например: *The Professor did actually fall and I saw across him as he gathered himself up from hands and knees [24, p. 287];* 2) собраться с силами (для совершения решительного действия), например: *His black mood now seemed to be becoming much harder and more definite as if he were gathering himself for some final destructive assault [20, p. 139].*

Естественно, в вышеприведенных примерах рефлексивный показатель не может быть опущен.

К глаголам перемещения относятся глаголы, обозначающие воздействие на объект, в результате чего последний перемещается в пространстве — вертикально или горизон-

тально. Это такие глаголы, как *drag, fling, heave, lift, pull, push, throw, raise, etc.* В рефлексивных конструкциях они обозначают перемещение субъекта в пространстве под действием его внутренних сил. Сравним:

I came back to my room and threw myself on my knees.

The woman raised herself to her feet, arranged the baby on her arm and stood impassive [19, p. 206].

В последнем примере рефлексивное сочетание допускает замену на интранзитивный глагол *rise*: *The woman rose to her feet...* Таким образом, исходная валентность на объект у данных глаголов в РК исчезает и субъект выполняет лишь одну роль — агентивную. На синтаксическом же уровне возвратное местоимение превращается в служебный формант, сопоставимый с русским «-ся»: *he threw himself* — он бросился, т.е. РК с глаголами перемещения в английском языке можно считать залоговыми конструкциями, а именно — рефлексивным залогом.

К глаголам адаптации относятся *adapt, adjust, accommodate, conform, reconcile*. Они синонимичны в значении «привести в соответствие с чем-либо». Доминантой в этом ряду является глагол *adapt*, остальные можно истолковать через него. Согласно словарю синонимов Webster, этот глагол в активной конструкции имплицитно подразумевает необходимость видоизменения, модификации объекта для приспособления его к новой ситуации. В РК к этому часто добавляется оттенок гибкости, готовности к чему-либо. Вот характерный пример:

In many ways David was a typical post-Darwinian scientist who had adapted himself without effort to the faith of scientific determination [13, p. 58].

В отличие от *adapt* глагол *adjust* предполагает меньшую степень гибкости, но большую расчетливость, калькуляцию. Эти признаки сохраняются и в РК.

Struggle? he asked himself. But adjusting oneself is a struggle [12, p. 56].

Глагол *accommodate* своей семантикой акцентирует тот факт, что объекты, которые надо привести в соответствие с чем-либо, являются совершенно разнородными и даже противоположными. Однако в РК этот признак нейтрализуется и значение глагола *accommodate* становится тождественным *adjust*.

She too laughed to prove that she wasn't serious. "I manage to accommodate myself quite well. I am never there. I am always abroad" [14, p. 126].

Глагол *conform* означает «привести в соответствие с определенным образцом, моделью». Этот глагол крайне редко употребляется в РК с возвратным местоимением, функционируя обычно имплицитно-рефлексивно.

Глагол *reconcile* в РК индуцирует в себе дополнительную сему «покорность, безысходность». Например:

She tried to reconcile herself to his loss [13, p. 365].

К вышерассмотренным синонимичным глаголам очень близок и английский глагол *accustom*. Однако в отличие от них он не употребляется в активных конструкциях. Он допускает либо пассивную, либо рефлексивную форму. В пассивной конструкции этот глагол выражает спонтанность, непреднамеренный характер процесса привыкания, а также результативность. Ср.: *The boys soon became accustomed to hard work and poor food.*

В рефлексивной же конструкции с данным глаголом имеет место автокаузация, намеренный характер действия, направленного на приучение себя к каким-либо неудобствам. Вот характерные примеры:

I've accustomed myself to live in cold rooms.

When he became a soldier he had to accustom himself to long marches.

Глаголы информационного воздействия

Глаголы данной категории номинируют ситуацию одностороннего истечения информации от одной системы к другой. Сюда входят несколько ЛСГ. Одной из них является группа со значением «велеть, приказывать» — *direct, command, order, tell*. Из этих глаголов в РК встречается главным образом *tell*, для которого значение приказа не является первичным и в котором категоричность приказа имеет самую слабую степень. Сравним следующие предложения:

I told myself not to be a baby [15, p. 48]; I told him not to be a baby.

При их сравнении можно заметить, что *tell* в первом предложении, где имеется РК, отличается от того же глагола во втором предложении, где имеется АК. Это подтверждается тестом на объединение рефлексивного местоимения — объекта и внешнего объекта в ряду однородных членов — дополнений, управляемых одним глаголом. Такое объединение приводит к недопустимой структуре *I told myself and him not to be a baby*.

Чем же вызвана эта несовместимость? При обмене информацией между двумя системами информация должна воплощаться в материальную субстанцию — акустическую или оптическую. Без этого невозможно воздействие информационным потенциалом на определенную систему. В случае же когда воздействие информационными сигналами протекает в рамках одной системы (субъект размышляет сам с собой), нет необходимости в тех звуковых сигналах, которые обязательны при обмене информацией между двумя независимыми системами. Иными словами, здесь внешняя речь переходит во внутреннюю. Недопустимость вышеприведенной структуры объясняется тем, что там в семантике глагола *tell* сталкиваются две несовместимые семы образа действия — «вслух» (в АК) и «молча» (в РК), и, очевидно, одна из них должна погашаться при реализации конкретного высказывания.

Еще одной группой данной категории являются глаголы обучения, такие как *teach, instruct, educate, train, discipline*. Эта группа синонимичных каузативных глаголов объединяется на основе значения «каузировать кого-либо иметь знания, умения или навыки в определенной области». Доминантой в этом ряду является глагол *teach*, имеющий ядерный набор сем.

В ролевую структуру глагольного предиката *teach* входят агентив (тот, кто обучает), бенефактив (тот, кого обучают) и содержание (то, чему обучают). В РК пропозициональное значение глагола изменений не претерпевает, однако ролевая структура перестраивается. Рассмотрим для примера следующее предложение.

There it was; he would teach himself navigation [17, p. 132].

Здесь субъект выполняет сразу две роли: он обучает и он же обучается. Сохраняется роль «содержание» и добавляется четвертая роль — «средство» или «инструмент» (т.е. книги и различные пособия).

Teach oneself может также обозначать стихийный процесс обучения, происходящий в результате многократного повторения одной и той же ситуации. В этом случае рефлексивный глагол сочетается с инфинитивом или инфинитивной группой с семантикой «человеческие эмоции». Например:

A little child ought not to know how to weep silently, she thought. He must have been many times afraid before he could have taught himself to weep like that [10, p. 60].

Глаголы передачи информации *ask, inform, remind, tell*, в отличие от глаголов обучения, имплицитно передачу информации как таковой, без учебных целей. Употребление их в РК означает, что субъект как бы раздваивается на двух собеседников и ведет внутренний диалог. Например:

Octavian quickly informed himself that he was the head of the department and must behave calmly and take charge [20, p. 18].

Ситуация внутреннего диалога в пределах системы одного референта значительно отличается от коммуникации между реальными партнерами, так как в последнем случае эти глаголы несут свое прямое значение, обозначая передачу информации, неизвестной для собеседника. В ситуации же внутреннего диалога такого обмена нет и быть не может. Здесь уже известную информацию субъект преподносит самому себе с целью подавить сомнение, решиться на определенный шаг. На языковом уровне это положение вещей отражается в невозможности ввести другой (внешний) объект для глагола внутренней речи. Так, аномальным является предложение *Octavian informed himself and his secretary that he was the head of the department*.

Значительный интерес для анализа представляет глагол *invite*, который мы также относим к глаголам информационного воздействия. Его значение в толковом словаре Хорнби определяется как «ask somebody to come somewhere». Его можно истолковать следующим образом: А просит В быть в месте С в момент D. Такое толкование жестко детерминирует разделенность А и В в пространстве. Поэтому, казалось бы, употребление глагола *invite* в рефлексивной структуре является абсурдным: как можно пригласить самого себя куда-то? Тем не менее нам встретилось такое употребление в одном из романов Айрис Мэрдок:

I understood from Axel that you'd invited yourself to dinner [20, p. 264].

По-русски это звучит как: Я узнал от Акселя, что ты напросился на обед. Отсюда видно, что глагол *invite* в РК подвергается содержательному сдвигу, и его толкование будет таким: А каузирует В просить А быть в месте С в момент D.

Сравнивая это толкование с толкованием нерелексивного глагола *invite*, мы видим, что в РК происходит приращение смысла: в его семантическую структуру вводится еще одна сема каузации и новый объект, не совпадающий с субъектом. Получается как бы последовательная двойная каузация: А — В — А.

Глаголы отношения (между людьми)

Предикаты категории «отношение между людьми» по-другому называются также предикатами интересубъектного (интерперсонального) значения. Здесь можно выделить две группы: 1) рационального отношения и 2) эмоционального отношения.

При глаголах данной категории возможна альтернатива пропозитивных значений и имен лица. Зона слабого различия этих двух определенно противопоставленных друг другу категорий возникает благодаря тому, что человек воспринимается одновременно и как «предметная» (физическая, субстанциальная), и как «действующая» сущность, фигурируя то в статическом, то в динамическом аспекте.

Неотделимость людей от их деятельности ведет к проникновению событийной лексики в положение актантов при интересубъектных глаголах. С другой стороны, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «взаимоотношения между людьми определяются не столько «предметной» сущностью человека, сколько его «событийным» аспектом — натурой, характером, качествами, словами, манерами, взглядами, занятиями, вкусами, положением в обществе и пр. Поэтому, вынося сведения об отношениях между событиями, человек часто переключает их в личностный план, указывая на взаимодействие людей, создающих события» [2, с. 149].

Для глаголов рациональных отношений (*bless, consider, complain, regard*) первична личностная ориентация как в АК, так и в РК. Данные предикаты выражают признаки, которые свободно проецируются на систему одиночного референта, и сдвига в значении глаголов не происходит.

Рассмотрим теперь глаголы, которые содержат в своем значении компоненты эмоциональной оценки. Сюда относятся *amuse, enjoy, hate, like, love, pity, please, etc.*

Глагол love в РК приобретает сему эгоцентризма, его сочетание с возвратным местоимением воспринимается как несколько необычное и, судя по нашим наблюдениям, нормально функционирует лишь при экспликации противопоставления love oneself — love somebody:

Every man loves himself so astronomically more than he loves his neighbor [20, p. 38].

Do you love anyone, Ticky, except yourself? — No, I just love myself, that's all [16, p. 129].

Если же подобного противопоставления в тексте нет, то рефлексивное сочетание с этим глаголом имеет комический оттенок, например:

To love oneself is the beginning of a lifelong romance, Phipps [26, p. 286].

Глагол love в РК не имеет регулярного указания на причину любви к себе. Иначе обстоит дело с его антонимом hate. Сравним:

He hated himself for his mawkish behavior [25, p. 54].

I give you back your kisses, I do, I do... And now I'll hate myself forever for my sin [18, p. 265].

Как можно видеть из данных примеров, в РК глагол hate сопровождается указанием на причину подобного чувства к себе. Впрочем, иногда подчеркивается его временный, преходящий характер, например:

He hated himself at this moment [23, p. 85].

По-видимому, глагол love в РК обозначает отношение к целиком взятой личности, распространяющееся на человека как некоторое психофизическое единство, и имеет более или менее постоянный характер. Напротив, отношение, обозначаемое глаголом hate, в РК касается только отдельного свойства личности и фиксируется в границах определенного временного отрезка. Другими словами, рефлексивный объект у глагола ненависти тяготеет к событийной интерпретации, так как обозначаемое отношение связывается лишь с определенными проявлениями личности, которые не всегда перерастают в основание для вполне однозначного отношения к самой личности.

Глаголы восприятия

В широком смысле категория «восприятие» понимается как вовлечение чего-либо в сферу ощущений и умственного осознания человеческой личностью. Глаголы восприятия обозначают отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов окружающего мира. Одни из них указывают на восприятие вообще, другие — на специфические восприятия с помощью отдельных органов чувств.

Глаголы «восприятия вообще» не употребляются в рефлексивных конструкциях, поэтому они для нас нерелевантны. Мы сосредоточим свое внимание на глаголах конкретного восприятия. Они делятся на три группы: глаголы зрительного восприятия, глаголы слухового восприятия и глаголы умственного восприятия.

К глаголам зрительного восприятия относятся behold, eye, see, sight, survey, view. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «глаголы зрительного восприятия амбивалентны: они могут соединяться как с предметным, так и с пропозитивным объектом» [2, с. 127]. То же самое можно сказать о предикатах «внутреннего зрения» (в смысле «воображения») с тем лишь различием, что объект этих глаголов лишен референции к предмету или событию реальной действительности.

В РК объектом зрительного восприятия является сам субъект. У глагола see в прямом номинативном значении объектом восприятия является «двойник» субъекта, т.е. его отражение в зеркале, на поверхности воды, в глазах другого человека и т.п.

He saw himself in her eyes [11, p. 190].

She sat up in bed, and then in the mirror facing her bed she saw herself [10, p. 49].

В данном случае рефлексивное местоимение выступает как отчужденный от субъекта объект, существующий как бы самостоятельно и занимающий определенное место в пространстве, отличное от того, которое занимает воспринимающий субъект. Субъект видит свое отражение в зеркале и как бы ощущает свое физическое раздвоение. Правда, первый реально существует в природе, а его отражение становится возможным лишь благодаря оптическому эффекту.

Таким образом, для реализации прямого номинативного значения глагола *see* в РК необходимо заполнение позиции прямого дополнения актантом, синкретически совмещающим две семантические роли: средства (медиатива) и места (локатива). Субъект видит себя: 1) в зеркале (локатив) и 2) посредством зеркала (медиатив).

Однако, как уже было упомянуто, глагол *see* может обозначать и «внутреннее зрение». В этом случае субъект мысленно представляет себя в какой-либо ситуации или относит свой образ к другому временному плану. Вот типичные примеры:

She relives the party. She sees herself there, in the Byrnes' living room at the center of that group of fascinating people [22, p. 203].

Yet I did not quite see myself marrying her [20, p. 46].

Внутреннее зрение — понятие иного порядка, нежели зрение внешнее, и, естественно, значение глагола *see* изменяется: видеть (глазами) — видеть (внутренним зрением) — представлять. Данное словозначение характеризуется также отсутствием семантической роли медиатива. Другие глаголы зрительного восприятия в РК реализуют лишь свои прямые значения.

Глаголы слухового восприятия (*hear, overhear*), употребленные в своем прямом значении, обуславливают событийную интерпретацию объекта. Связь этих глаголов с событийной лексикой вполне естественна, поскольку звучание протекает во временной протяженности, а не лежит в пространственно-предметной плоскости мира.

Из глаголов слухового восприятия лишь глагол *hear* встречается в рефлексивных коллокациях.

Her own voice sails into the dense competition of voices and does amazingly well — she hears herself with pride [22, p. 21].

Субъект слышит свой голос, свои слова как бы со стороны, поэтому на семантическом уровне сохраняются обе роли — агентивная и перцептивная.

Часто рефлексивный объект разворачивается в пропозицию:

He hears himself speaking as if from a distance [22, p. 28].

К глаголам умственного восприятия относятся *apprehend, cognize, conceive, meditate, perceive, understand* и другие. Эти глаголы принадлежат к глаголам мышления и группируются вокруг доминанты *understand*, имеющей самое общее элементарное значение — «иметь ясное и правильное представление о объекте». В РК нами отмечены глаголы *understand* и *apprehend*. Глагол *understand* имплицитно подразумевает результат умственного процесса познания, полное постижение объекта мысли. Глагол *apprehend* не предполагает достижения полноты знания. Здесь скорее подчеркивается беглый поверхностный охват объекта, и поэтому рефлексивное дополнение с этим глаголом всегда разворачивается в пропозицию. Например: *And Mary apprehended herself as a thin dark woman, a mother, a representative somehow of the past* [20, p. 40].

Объект с глаголом *understand* в рефлексивной конструкции также имеет событийное прочтение, но в отличие от конструкций с глаголом *apprehend* для него не характерна эксплицитная манифестация пропозитивности и РК с глаголом *understand* — двухкомпонентные.

Таким образом, мы видим, что различные глаголы ведут себя по-разному в сочетании с рефлексивным показателем. Одни глаголы совершенно не меняют своего значения, другие меняют лишь частично, третьи — изменяются радикально.

Список использованной литературы

1. Апресян Ю. Д. Об одном правиле сложения лексических значений // Проблемы структурной лингвистики 1971. М. : Наука, 1972. 560 с.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. : Наука, 1976. 382 с.
3. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
4. Комлев Н. Г. Слово в речи. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 216 с.
5. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. М. : Эдиториал УРСС, 2004. 320 с.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.
7. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М. : Эдиториал УРСС, 2002. 240 с.
8. Шехтман Н. А. Сочетаемость семантических множителей в контексте // Лексико-грамматическая сочетаемость в английском языке. Челябинск, 1987. С. 76—84.
9. Щерба Л. В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 25—40.
10. Buck P. The Time is Noon. L., 1976.
11. Bradbury Ray. Selected Stories. L., 1965.
12. Carter D. Tomorrow is with us. M., 1953.
13. Drabble M. The Realms of Gold. New York, 1979.
14. Forsyth Fr. The Odessa File. New York, 1972.
15. Francis Dick. The Nerve. London, 1977.
16. Greene Gr. The Heart of the Matter. L., 1965.
17. London J. Martin Eden. M., 1953.
18. Hardy Th. Tess of the D'Urbervilles. M., 1952.
19. Making It All Right. M., 1978.
20. Murdoch I. A Fairly Honorable Defeat. L., 1970.
21. Nabokov V. Lolita. London, 1979.
22. Oates J. C. Unholy Loves. New York, 1976.
23. Orwell G. Keep the Aspidistra Flying. L., 1960.
24. Stoker B. Dracula. London, 1913.
25. Wain J. Hurry on Down. L., 1969.
26. Wilde O. Plays. M., 1961.

Поступила в редакцию 02.04.2015 г.

Биккулов Шамиль Фаритович, кандидат филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: shamilbikkulov@mail.ru

UDC 81'37: 811.111

S. F. Bikkulov

Some aspects of the combinatory semantics of verbal collocations in English

The article deals with the problems of interaction of lexical meanings of English verbal collocations on the material of object verbs and reflexive pronouns. Depending on a particular lexical-semantic group, verbs display different results.

Key words: combinatory semantics, referential level, verbal collocations, reflexive pronoun, semiological approach, interaction of lexical meanings, seme level, semantic roles.

Bikkulov Shamil Faritovich, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: shamilbikkulov@mail.ru